

Наука в лицах

Академик Зализняк (1935–2017): открытия и убеждения

Сергей Дмитриевич Шелов, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), volehs@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170009966-1

АННОТАЦИЯ: В статье автор излагает свои индивидуальные впечатления о личности и научных результатах академика А. А. Зализняка. Перечисляются некоторые важнейшие открытия этого выдающегося лингвиста в области славистики, русистики и языкознания, без которых картина современной науки была бы неполной и ущербной. Отмечаются личностные качества ученого, связанные с его общественной деятельностью по популяризации науки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Андрей Анатольевич Зализняк, славистика, русский язык, научное открытие

для цитирования: Шелов С. Д. Академик Зализняк (1935–2017): открытия и убеждения // Русская речь. 2020. № 3. С. 120–128. DOI: 10.31857/S013161170009966-1.

Science and Persons

Academician Zaliznyak (1935–2017): Discoveries and Beliefs

Sergey D. Shelov, Vinogradov Russian Language Institut (Russian Academy of Sciences)
(Russia, Moscow), volehs@mail.ru

ABSTRACT: In the article the author presents his individual impressions about the personality and scientific results of the academician A. A. Zaliznyak. The contribution lists some of the major discoveries of this outstanding linguist in the field of Slavistics, Russian studies and linguistics, without which the picture of modern science would be incomplete and flawed. The personal qualities of the scientist associated with his activities in the popularization of science are highlighted.

KEYWORDS: Andrey A. Zaliznyak, Slavistics, Russian language, scientific discovery
FOR CITATION: Shelov S. D. Academician Zaliznyak (1935–2017): Discoveries and Beliefs. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2020. No. 3. Pp. 120–128. DOI: 10.31857/S013161170009966-1.

Писать о достижениях выдающегося лингвиста современности, лауреате Государственной премии, кавалере Большой золотой медали имени М. В. Ломоносова Андрее Анатольевиче Зализняке и легко и трудно, и радостно и ответственно. Коротко и ясно о них (и об общих чертах научного творчества исследователя) рассказал на церемонии вручения А. А. Зализняку Солженицынской премии профессор МГУ, заведующий кафедрой математической логики и теории алгоритмов Владимир Андреевич Успенский, отметив три области, за достижения в которых А. А. Зализняк был удостоен этой премии: это исследования в области русского языка, это расшифровка древних текстов и это исследования «Слова о полку Игореве», доказавшие подлинность «Слова».

Задача этой заметки — поделиться, если угодно, глубоко личными впечатлениями от этих достижений, которые у меня сформировали представление и о достоинстве занятия наукой, и о праве науки на самостоятельность и самодостаточность существования как части общечеловеческой культуры.

Впервые я услышал это имя в далеких 60-х гг. прошлого века после выхода в свет монографии «Русское именное словоизменение» [Зализняк 1967]. Это многие десятилетия спустя я узнал, что за эту фактически кандидатскую диссертацию, по ходатайству оппонентов и других выдающихся специалистов, ему было присвоено звание доктора филологических наук... Тогда же работа поразила меня прозрачностью хода мысли, сочетающего легкость и фундаментальность научного мышления с полнотой и детальностью изучения материала. «А что, раньше, до Зализняка, мы не знали, как изменяются в русском языке имена по падежам?» — могу спросить

я сам себя или, вместе со мной, может спросить неискушенный читатель. (Такие вопросы, действительно, звучали.) Да как сказать... В то время, как всякий школяр, я, например, твердо знал, что в русском языке шесть падежей, и подвергнуть этот тезис сомнению было равносильно богохульству. При этом, разумеется, мне было известно существование форм «дай мне чаю», «добавь сахарку», «подливать мёду», а вот вопрос об их отношении к числу падежей в русском языке как-то не возникал. Конечно, было мне известно, и что по-русски правильно «в боку», «в углу», «в шкафу», а не «в боке», «в угле», «в шкафе». Знал я, как и Вы, дорогой читатель, что сказать по-русски «пойти в солдаты», «пройти в депутаты», «вышел в кандидаты» — самое обычное дело. А вот до вопроса о том, что же это получается — что в русском языке именительный падеж (ведь «солдаты», «депутаты», «кандидаты» — это именительный падеж) сочетается с предлогом (!), — как-то не додумался. Да и многие другие «мелочи» требуется ясно осознать, чтобы дать убедительный и исчерпывающий ответ на школьный вопрос о количестве падежей в русском языке (их, как выясняется, строго говоря, не шесть, а целых 14!). Столь же не очевидным оказывается и вопрос о том, сколько чисел в грамматической категории числа в русском языке, и т. д. и т. п.

Описание русской грамматики в этой работе изумляло не только своим исчерпывающим характером, но еще и элегантным теоретическим аппаратом и четкостью терминологии, которая предлагалась и получала определения в этом труде. Последнее обстоятельство произвело на меня столь сильное впечатление, что, когда десятки лет спустя мне потребовался пример последовательной и непротиворечивой лингвистической терминологии, выбрал именно терминологию «Русского именного словоизменения».

Несколько слов хочу сказать теперь о другом результате деятельности А. А. Зализняка, — результате из области для меня более далекой и менее знакомой — из области истории русского языка.

В июле 2000 года в Великом Новгороде при проведении Новгородской археологической экспедиции была сделана уникальная находка: в слое первой четверти XI в. была найдена древняя книга (кодекс) с текстом, написанным по воску. Книга представляла собой три липовых дощечки размером 19x15 см. В каждой дощечке было прямоугольное углубление, залитое воском; на средней дощечке такие углубления сделаны с двух сторон. Таким образом, были найдены четыре восковых страницы, внешние стороны первой и последней дощечек играли роль «обложек» кодекса. Это стало настоящей исторической и археологической сенсацией, которая, сделавшись достоянием гласности для историков и филологов, к сожалению, не получила должного отклика в средствах массовой информации, в образовании, в рекламе, хотя по своей значимости для русской и славянской культуры и ее истории это было грандиозным открытием (по своей

значимости оно сравнимо, скажем, с обнаружением Синайского кодекса Библии в 1844 г. для истории Нового завета). Но в чем же уникальность и первостепенная значимость этого открытия и какова в нем роль А. А. Зализняка?

Во-первых, эта находка опровергала существовавшее тогда весьма авторитетное мнение о том, что на Руси не было письма по воску (что наблюдалось в Древней Греции, в Риме и средневековой Западной Европе). Во-вторых, открытие представило миру самые первые в истории тексты, написанные кириллицей. Наконец, в-третьих, текст, выдавленный на воске, покрывающем дощечки, не был единственным текстом: помимо этого основного текста, на дощечках были найдены значительно превосходящие его по объему «скрытые тексты», либо сохранившиеся в виде отпечатков на дереве под воском, либо процарапанные прямо по дереву. Здесь самое время сказать об исключительной по значимости работе нашего соотечественника, суть которой названа, на первый взгляд, не вполне уместным словом «расшифровка». Дело именно в открытии и «раскрытии» этих скрытых текстов. Основной текст читается специалистами довольно легко и надежно и представляет собой 75-й, 76-й и частично 67-й псалмы из Псалтыри. Впрочем, для лингвистического анализа этого текста, разумеется, нужна также достаточная квалификация, которая позволяет установить, что перед нами «памятник иного периода развития русской письменности, чем памятники второй половины XI века» и что «в сущности перед нами еще просто старославянский текст» [Зализняк 2003: 193]. Однако основной заслугой и блестящим результатом работы академика с древнейшим памятником русской письменности является описание именно его «скрытых текстов», нескольких слоев записи разных сочинений. Вот что сам академик об этом пишет: «Новгородский кодекс представляет собой род палимпсеста. Однако от обычных палимпсестов (где наложено друг на друга два-три текста, изредка несколько больше) он отличается тем, что “слоев” в нем во много раз больше... Работа с Новгородским кодексом аналогична, таким образом, попытке прочтения копировальной бумаги, использованной много раз... Саму же операцию распутывания наложенных друг на друга записей можно квалифицировать как их расшифровку (понимая этот термин в том более широком смысле, когда необязательно предполагается, что текст сознательно зашифровался)» [Зализняк 2003: 194–195].

Однако, отдавая должное труду распутывания нескольких текстовых наложений, не будем «зацикливаться» только на этих аспектах работы. Поучительнее описание тех вопросов, которые ставит исследователь и ответы на которые он либо предлагает сам, либо оставляет для тех, кто пойдет следом. Эта картина настолько интересна и настолько характер-

на для гуманитарного знания в отличие от знания, вырабатываемого естественными и техническими науками, что позволю себе просто перечислить эти вопросы, оставляя для заинтересованного читателя возможность прямого доступа к ответам на них в работах А. А. Зализняка, имеющих, в частности, в Интернете.

Вот этот далеко не полный список.

а) Автор основного текста и автор «скрытых текстов» — это один и тот же человек или это разные люди? (Кстати, интересно даже просто подумать на тему того, как это можно установить, когда подписи никто не ставит!)

б) Сколько и какие именно сочинения содержат «скрытые тексты»?

в) Сочинения «скрытых текстов» вторичны (т. е. они являются переводами с иных оригиналов) или их авторство первично и они принадлежат перу (правильнее было бы сказать «писалу») современника начала XI в.?

г) Какова их хронология и какие из них написаны раньше, а какие — позже?

д) О чем эти сочинения, к какому жанру они относятся и что их все объединяет?

е) Имеются ли предшественники этого жанра?

ж) На каком языке написаны эти сочинения и каковы его лингвистические характеристики, если их сравнивать с ближайшим по времени языком памятников XI в. (и в первую очередь с Остромировым Евангелием)?

з) Кто автор или авторы этих сочинений и что можно о нем или о них сказать, если судить по содержанию сочинений?

В частности, особо важным — в связи с религиозно-церковным содержанием этих сочинений — становится вопрос об особенностях, если таковые имеются, вероисповедания авторов. Список вопросов можно было бы и продолжить, но, если вспомнить, что речь идет о самой ранней славянской книге, думаю, что и без продолжения ясна значимость ответов на них...

Несколько слов о результатах исследования «Слова о полку Игореве», создание которого предположительно относилось к XII в. и текст которого нам известен по сгоревшей рукописи XVI в., принадлежавшей А. И. Мусину-Пушкину (именно подлинность этой рукописи после ее уничтожения пожаром 1812 г. и подвергалась сомнению на протяжении более двух веков в пользу поздней подделки XVIII в.). А. А. Зализняк сумел доказать подлинность «Слова» изысканным и в то же время весьма убедительным способом. Аргументы опираются на закономерности древнерусского языка, которые были установлены значительно позже, чем время предполагаемой подделки — вторая половина XVIII в.; в случае фальсификации эти закономерности (открытые часто самим А. А. Зализняком) должны были бы а) быть известны предполагаемому имитатору XVIII в., б) храниться в тайне от современников и в) использоваться в процессе подделки, что совершенно невероятно.

Снова предоставим слово самому академику: «Русские рукописи XI–XVI веков можно подразделить так: 1) созданные в XI–XIV веках и дошедшие до нас в записях той же эпохи; это чистый древнерусский язык во всех его аспектах (грамматика, фонетика, орфография); 2) созданные в XI–XIV веках, но дошедшие в списках XV–XVI веков; здесь сохраняется древнерусская грамматика (иногда с некоторыми ошибками), но писец уже произносит слова не по-древнему, а в соответствии с фонетикой своего времени и записывает по более поздней орфографии; 3) созданные в XV–XVI веках; это уже более поздняя («старовеликорусская») не только фонетика и орфография, но и грамматика.

Лингвистический анализ «Слова о полку Игореве» дает следующий результат: все основные характеристики (фонетические, орфографические, морфологические, синтаксические) здесь такие же, как в памятниках второй из этих трех групп. <...> «Слова» совпадает с памятниками второй группы по нескольким десяткам параметров, в том числе таких, где соответствующее грамматическое правило отличается высокой сложностью. Даже имеющиеся в тексте «Слова» ошибки — в точности такие же, какие характерны для писцов XV–XVI веков. Никаких языковых элементов, которые принадлежали бы языку XVIII века и не могли бы в то же время принадлежать языку переписчиков XV–XVI веков, в тексте «Слова» нет». Отсюда делается эlegantный вывод: «Лингвист, равный по потенциалу совокупности десятков и сотен своих более поздних коллег, — несомненно, безмерный гений. И столь же уникально и его поведение: будучи великим ученым, он не оставил потомкам ни слова обо всех своих открытиях, вместо этого пожелав для себя полной вечной безвестности. Итог анализа языка «Слова о полку Игореве» таков: подделка не является абсолютно невозможной, но ее можно допустить только в том предположении, что ее осуществил некий гений, причем пожелавший полностью скрыть от человечества свою гениальность» [Зализняк 2008: 406].

Я не был лично знаком с Андреем Анатольевичем Зализняком, более того, я даже ни разу не присутствовал на его лекциях (не считая некоторых телевизионных передач). Только раз мне довелось говорить с ним по телефону, причем во время разговора я выступал в роли маленького чиновника, а от самого разговора у меня осталось впечатление о настоящем отношении Андрея Анатольевича к этой касте. В тот раз, как кажется, такое отношение лично для меня было не очень позитивным. Однако с какой ясностью и с каким удовлетворением я осознал, что мои предположения верны, когда уже много лет спустя я прочитал в его речи на официальной церемонии вручения ему литературной премии Александра Солженицына формулировку его, так сказать, общего кредо по отношению к чиновничеству, карьере, почестям!

Предоставим слово самому Андрею Анатольевичу: «В моей жизни получилось так, что моя самая прочная и долговременная дружеская компания сложилась в школе — и с тех пор те, кто еще жив, дружески встречаются несколько раз в год вот уже больше полувека. И вот теперь мне ясно, насколько едины мы были в своем внутреннем убеждении (настолько для нас очевидном, что мы сами его не формулировали и не обсуждали), что высокие чины и почести — это нечто несовместимое с нашими юношескими идеалами, нашим самоуважением и уважением друг к другу. <...> Мы понимали так: если лауреат Сталинской премии, то почти наверное угодливая бездарность; если академик, то нужны какие-то совершенно исключительные свидетельства, чтобы поверить, что не дутая величина и не проходимец. В нас это сидело крепко и в сущности сидит до сих пор. <...> Разумеется, материальные успехи определялись официальной иерархией, а не подпольной. Но мы же в соответствии с духом эпохи смотрели свысока на материальную сторону жизни. Западная формула: «Если ты умный, почему же ты бедный?» — была для нас очевидным свидетельством убогости такого типа мышления» [Зализняк 2007].

А вот еще один очень характерный пассаж из той же речи, свидетельствующий об общем отношении А. А. Зализняка к истине вообще и к научной истине в частности. И здесь, как и в приведенном выше случае, он делает, возможно, ныне не самые популярные заявления. Снова лучше привести цитату: «...я, к сожалению, ощущаю распространение взглядов и реакций, которые означают снижение в общественном сознании ценности науки вообще и гуманитарных наук в особенности. Разумеется, в отношении гуманитарных наук губительную роль играла установка советской власти на прямую постановку этих наук на службу политической пропаганде. Результат: неверие и насмешка над официальными философами, официальными историками, официальными литературоведами...

Мне хотелось бы высказаться в защиту двух простейших идей, которые прежде считались очевидными и даже просто банальными, а теперь звучат очень немодно.

- 1) Истина существует, и целью науки является ее поиск.
- 2) В любом обсуждаемом вопросе профессионал (если он действительно профессионал, а не просто носитель казенных титулов) в нормальном случае более прав, чем дилетант.

Им противостоят положения, ныне гораздо более модные.

- 1) Истины не существует, существует лишь множество мнений (или, говоря языком постмодернизма, множество текстов).
- 2) По любому вопросу ничье мнение не весит больше, чем мнение кого-то иного. Девочка-пятиклассница имеет мнение, что Дарвин неправ, и хороший тон состоит в том, чтобы подавать этот факт как серьезный

вызов биологической науке. Это поветрие — уже не чисто российское, оно ощущается и во всем западном мире. Но в России оно заметно усилено ситуацией постсоветского идеологического вакуума» [Зализняк 2007].

Надо иметь определенное мужество, чтобы публично высказываться подобным образом, без опасений неодобрения со стороны не только и не столько властей предрержащих, сколько со стороны своих же коллег-ученых. Вообще, сочетание высочайших научных достижений и принципиальности общественной позиции в исследователе было абсолютно естественным, хотя соединение высочайшего профессионализма и чистоты общественной позиции — весьма редкое явление. В связи с этим хочу напомнить одно обстоятельство.

Среда членов-корреспондентов и академиков Российской академии наук — особая среда. Не стоит забывать, что, испытывая при различных режимах постоянное давление власти, они все же сами себя выбирают на весьма и весьма ограниченное количество квотных мест и в этом смысле сами себя воспроизводят. Поэтому, помимо, так сказать, социальной и профессиональной общности, их связывают еще и логично возникающие личные и клановые интересы, когда принцип «Лучше плохой мир, чем хорошая война» особенно значим. С этой точки зрения различные обвинения, полемика и резкая критика, допустимые внутри академического сообщества, крайне нежелательны и болезненны при выносе наружу. Это понятно. Но как быть, если заблуждения внутри авторитетной, можно сказать «по определению», социальной страты начинают играть заметную общественную роль, охватывают все большие коллективы, находят все больше активных последователей среди людей, далеких от научной деятельности и в этом смысле вполне рядовых, обычных людей? Как быть, если принципы, лежащие в основе соответствующих взглядов, противоречат самим основам научного мышления и научной деятельности, превращаясь в принципы коммерческого мероприятия, и тем самым угрожают науке как феномену человеческой культуры? Да, я говорю сейчас об учении о «новой хронологии» академика А. Т. Фоменко и его последователей, которое получило огромное распространение в 80–90-е гг. XX в., да и сейчас имеет немало сторонников. Позиция А. А. Зализняка и некоторых других академиков в этой ситуации с моральной точки зрения оказывается безукоризненной. Что касается А. А. Зализняка, то достаточно прочесть его большую статью в сборнике Русского исторического общества (том 3) за 2000 год «Лингвистика по А. Т. Фоменко», чтобы понять и абсолютную неприемлемость взглядов автора «новой хронологии», и их уничтожающую критику, и в то же время классическую ясность и академичность самого тона этой критики. А ведь были еще и многочисленные устные выступления на этот счет в разных аудиториях, включая и студенческую публику...

Таково очень фрагментарно высказанное сугубо частное отношение к личности А. А. Зализняка. Когда в декабре 2017 г. Андрея Анатольевича не стало, на его похоронах в Президиуме Российской академии наук в речи некоторых выступавших прозвучали выражения «Моцарт филологии», «Моцарт лингвистики». Все сравнения условны, но читать и понимать Андрея Анатольевича, может быть первого лингвиста мира, — сродни восприятию музыки Моцарта. Это факт.

Литература

- Зализняк А. А. Истина существует, и целью науки является ее поиск. Речь А. А. Зализняка на церемонии вручения ему литературной премии Александра Солженицына 16.05.2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rodon.org/zaa/isisnyaep.htm> (дата обращения: 12.03.2020).
- Зализняк А. А. Проблема подлинности «Слова о полку Игореве» // Вестник Российской академии наук. 2008. Т. 78. № 5. С. 403–406.
- Зализняк А. А. Проблемы изучения Новгородского кодекса XI века, найденного в 2000 г. // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003 г. Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2003. С. 190–212.
- Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. 372 с.

References

- Zaliznyak A. A. *Istina sushchestvuet, i tsel'yu nauki yavlyaetsya ee poisk. Rech' A. A. Zaliznyaka na tseremonii vrucheniya emu literaturnoi premii Aleksandra Solzhenitsyna 16.05.2007* [Truth exists, and the goal of science is its search. Speech by A. A. Zaliznyak at the ceremony of awarding him the literary prize of Alexander Solzhenitsyn 05.16.2007]. Available at: <http://www.rodon.org/zaa/isisnyaep.htm> (accessed 12.03.2020).
- Zaliznyak A. A. [The problem of authenticity “The Word of Igor’s Campaign”]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk*, 2008, vol. 78, no. 5, pp. 403–406. (In Russ.)
- Zaliznyak A. A. [Problems of studying the Novgorod Codex of the 11th century, found in 2000]. *Slavyanskoe yazykoznanie. XIII Mezhdunarodnyi s’ezd slavistov. Lyublyana, 2003 g. Doklady rossiiskoi delegatsii* [Slavic linguistics. 13th International Congress of Slavists. Ljubljana, 2003. Reports of the Russian delegation]. Moscow, Indrik Publ., 2003, pp. 190–212. (In Russ.)
- Zaliznyak A. A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie* [Russian nominal inflection]. Moscow, Nauka Publ., 1967. 372 p.